

Васильченко Александра Владимировна

ЛЮБОВЬ КАК ВЫСШАЯ ЦЕННОСТЬ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Статья раскрывает содержание понятия любви в русской культуре. Автор характеризует представления русских философов о любви как о ведущей, главной творческой силе русской души, основе ее жизни, анализирует тесную взаимосвязь любви и семьи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-2/10.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. II. С. 42-44. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 130.2

Статья раскрывает содержание понятия любви в русской культуре. Автор характеризует представления русских философов о любви как о ведущей, главной творческой силе русской души, основе ее жизни, анализирует тесную взаимосвязь любви и семьи.

Ключевые слова и фразы: русская философия; семья; любовь; русская женщина; русская душа; национальная ментальность.

Александра Владимировна Васильченко, кандидат культурологии
Кафедра философии и социологии
Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет
Avas_77@mail.ru

ЛЮБОВЬ КАК ВЫСШАЯ ЦЕННОСТЬ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ®

Для русской философии характерно пристальное внимание к особенностям переживания и выражения чувства любви. Ни в одной культуре мыслители не обращались к столь частной с точки зрения метафизики проблеме. Русские философы считали любовь высшим, возвышенным чувством и основной духовно-творческой силой для русского человека. Так, И. А. Ильин писал: «Любовь есть основная духовно-творческая сила русской души. Без любви русский человек есть неудавшееся существо. Цивилизирующие суррогаты любви (долг, дисциплина, формальная лояльность, гипноз высшей законопослушности) - сами по себе ему мало свойственны. Без любви - он или лениво прозябает, или склоняется к вседозволенности. <...> Ум, воля, желания, мышление русского человека приводятся в духовно-творческое движение именно любовью» [2, с. 67].

Традицию русских философов в осмыслении чувства любви продолжили и современные мыслители. О. Платонов подчеркивает, что «любовь для русского человека - высшее чувство» [6, с. 125].

О возвышенном, бескорыстном характере любви, который особенно был присущ русским женщинам, писал Н. О. Лосский: «Возвышенный характер любви и верность долгу изобразил А. С. Пушкин в любимом им образе Татьяны ("Татьяны милый идеал"). Татьяна ценит индивидуальную личную любовь, то есть приятие в свою душу всей личности любимого во всем индивидуальном своеобразии ее» [5, с. 294]. Н. О. Лосский на примерах из произведений русской художественной литературы особенно подчеркивал образ нравственной, возвышенной силы русских женщин, а также их особую одаренность. Не только А. С. Пушкин, но и другие великие русские писатели дали незабываемые образы нравственной силы русской женщины. Вспомним у Гончарова Ольгу Ильинскую, желавшую спасти Обломова, и Веру в «Обрыве», надеющуюся перевоспитать нигилиста Марка. Замечательные характеры тургеневских женщин отмечены многими, кто писал о творчестве И. Тургенева: Лукерья в «Живых мошгах», Наталья в романе «Рудин», Лиза в «Дворянском гнезде», Елена в «Накануне». В поведении русских нянюшек обнаруживается высокая одаренность русского народа, связанная с глубокой религиозностью и любовью к человеку, особенно к ребенку; ум и воображение, богатые содержанием; скромное сознание своего достоинства. Прекрасный образ доброй и глубоко религиозной русской женщины дает Горький, рассказывая в автобиографии о своей бабушке: «Ее бескорыстная любовь к миру обогатила меня, насытив крепкой силой для трудной жизни». Русская женщина, полюбив человека, увлекающего ее высокой целью, смело борется с препятствиями и не боится потерять удобства своей прежней, обеспеченной родителями жизни. Она проявляет при этом любовь к свободе и независимость от предрассудков».

Итак, любовь является ведущей, главной творческой силой русской души, основой ее жизни, ибо именно «любовь - это корень жизни» [7, с. 12].

Важно отметить, что восприятие любви в русской культуре отличается от восприятия любви в западноевропейской культуре. Русские люди видели в любви высшее духовное единение. В сознании же западноевропейского человека главная цель любви заключается в основном в физическом обладании. Эту особенность отмечали русские философы и современные мыслители. Так, О. Платонов говорит, что «любовь - это златница великая», она воспринимается русским человеком как чувство, данное Богом. Поэтому в сознании русского человека оно было связано с понятиями целомудрия, стыда, греха. Совсем иначе чувство любви воспринималось в сознании западного человека. Здесь оно носило преимущественно чувственный, плотский характер сладкой страсти, приносящей глубокое физическое удовлетворение. Русский же человек видел в любви не просто обладание, а высшее духовное единение [6, с. 125-126].

Великий знаток русской культуры, И. А. Ильин отмечал, что человек призван к тому, чтобы видеть в любимой женщине (или соответственно - в любимом мужчине) не просто плотское начало, не только телесное явление, но и «душу», своеобразие личности, особенность характера, сердечную глубину. «Истинная любовь, - говорит И. А. Ильин, - хочет в человеке всего: не только внешне человеческого, но и душу, и внутреннее содержание ее - сущность человека, святую тайну личной духовности» [4, с. 193]. Физическая сторона любви не отрицалась, а мыслилась в народной культуре, в народной философии только в законном браке.

Причем физическое обладание не может быть выше духовного элемента любви, считал коренной русский человек. Это вытекало из всех его жизненных ценностей.

Таким образом, для европейской культуры любовь ассоциируется с телом, а для русской культуры - с душой, духовным единением и семьей. Эти особенности связаны с национальной ментальностью. Отличительной чертой русской культуры является духовность, сердечность, в отличие от западноевропейского типа культуры, одними из базисных характеристик которого является телесность, маскулинность.

Семья в русской культуре является важным элементом, целью любви, не случайно любовь мужчины и женщины венчалась не просто обладанием, а законным браком. Русские люди мыслили любовь в семье: «...в народных песнях и сказках счастливая любовь венчается браком по закону и веселой свадьбой. Свадьба для русского человека - “Закон принять. Идти на суд Божий”» [6, с. 128].

О. Платонов подчеркивает, что народным идеалом любви для русского человека была добрая жена и крепкая семья. На эту тему существует множество пословиц: «Своя семейка - свой простор», «Добрая жена, да жирные щи - другого добра не ищи!», «Семейная каша погуще кипит», «В своей семье и каша гуще», «Семейный горшок всегда кипит», «Доброю женой и муж честен», «Добрую жену взять, ни горя, ни скуки не знать», «С доброй женой горе - полгоря, а радость вдвойне», «Не надобен и клад, коли у мужа с женой лад».

О проблеме любви и семьи много писал И. А. Ильин. Семья, по его мнению, есть первичное лоно человеческой культуры, а главным условием семейной жизни является способность к взаимной духовной любви, духовное единство мужа и жены: «То, что должно возникнуть из брака, есть, прежде всего новое духовное единение и единство - единство мужа и жены. <...> ...нет более верной основы для достойной и счастливой семейной жизни как взаимная духовная любовь мужа и жены: любовь, в которой начала страсти и дружбы сливаются воедино, перерождаясь в нечто высшее - в огонь всестороннего единства» [3, с. 150]. И. А. Ильин подчеркивал, что именно духовная любовь может дать человеку запас взаимного уважения, понимания, взаимного снисхождения к слабостям и взаимного прощения, терпения, терпимости, преданности и верности. Эти основные проявления духовного характера необходимы для счастливого брака. Именно в семье человек учится любить, из любви и от любви страдать, терпеть и жертвовать, забывать о себе и служить тем, кто ему ближе всего и милее всего.

Итак, любовь и семья рассматриваются в тесной взаимосвязи, так как семья должна быть проявлением любви, именно в семье человек должен учиться любить. Любовь и семья понимаются как духовное единение двух людей, при этом, физическая сторона любви не отрицается, но рассматривается как вторичное, по отношению к духовному чувству. Любовь формирует основные ценности духовного и нравственного характера: взаимное уважение, понимание, взаимное снисхождение к слабостям и взаимное прощение, терпение, терпимость, преданность и верность, которые являются, в свою очередь, проявлением любви в понимании русского человека.

Еще одной специфической особенностью проявления любви в русской культуре является ее связь с сердцем. Сердце есть вместилище любви, ее центр и средоточие. Это связано с русской ментальностью, с русской идеей. И. А. Ильин писал: «Русская идея - есть идея сердца. Она утверждает, что главное в жизни есть любовь и что именно любовью строится совместная жизнь на земле» [2, с. 66]. Любовь у русского человека исходит из сердца.

Сердце человека является важным органом человеческой души, своеобразным символом человеческих чувств вообще и чувства любви в частности. Первичность сердечного, чувственного, эмоционального начала есть внутренний определяющий источник раздвоения ментальных качеств русского народа на противоречивые свойства, так как из сердца человека может возникнуть не только доброе чувство - любовь, но и злое - ненависть. Доброе возникает тогда, когда сердце человека руководствуется мерилем любви, блага и благородных чувств; злое - если верх одерживает ненависть, тщеславие и мстительность.

Великий знаток человеческой души, Ф. М. Достоевский глубоко понимал диалектику добра и зла в русском народе. Страницы его произведений насыщены описанием как жестоких, так и добрых проявлений русского национального характера. Когда сердце человека руководствуется ненавистью, злыми помыслами и намерениями, то поражают его жестокость и необузданный нрав. Ф. М. Достоевский описывает методические и систематические избиения фельдгегерями ямщиков. Выпив водки и вскочив в тележку, фельдгегер всегда начинает с битья и бьет безо всякой вины, бьет ровно, подымает и опускает, соскучится и опять бьет. «Я никогда, - писал Ф. М. Достоевский, - не мог забыть фельдгегеря и многое позорное и жестокое в русском народе...» [1, с. 129-130].

Совершенно иная картина наблюдается в том случае, если русское сердце руководствуется любовью и благородными чувствами. В таком случае русский народ поражает своей выдающейся добротой и сострадательностью. Апофеозом символического художественно-философского изображения русской доброты в «Дневнике писателя» выступает образ крепостного крестьянина Марья. Ф. М. Достоевский вспоминает свой мальчишеский страх перед вымышленным детской фантазией волком и мужика Марья, с великой любовью, по-матерински нежно успокоившего его: «Встреча была уединенной, в пустом поле, и только Бог, может, видел сверху, каким глубоким и просвещенным человеческим чувством и какою тонкою и почти женственною нежностью может быть наполнено сердце грубого, зверски невежественного русского мужика» [Там же, с. 151]. Причем, по Ф. М. Достоевскому, природная доброта сохраняется подспудно даже в самом жестоком жизненными невзгодами русского сердца. Будучи на каторге, писатель видит проявления

лучших качеств русского народа у самых закоренелых преступников. Такова поражающая своим ветхозаветным духом диалектика добра и зла, любви и ненависти в русской душе.

Таким образом, любовь в русской культуре тесно связана с сердцем, но из сердца может возникнуть не только любовь, но и ненависть. Если сердце русского человека руководствуется злом, ненавистью, то тогда он отличается своей жестокостью, насилием, склонностью причинять страдания. Совершенно иная картина наблюдается в том случае, если сердце русского человека руководствуется любовью, тогда он выделяется своей выдающейся добротой, сострадательностью, сердечностью, необычайной человечностью и нежностью.

Список литературы

1. Достоевский Ф. М. Дневник писателя: избранные страницы. М., 1989. 557 с.
2. Ильин И. А. Избранное. Смоленск, 1995. 416 с.
3. Ильин И. А. Путь духовного обновления // Ильин И. А. Собр. соч.: в 10-ти т. М., 1993. Т. 1.
4. Ильин И. А. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий // Там же. М., 1994. Т. 3.
5. Лосский Н. О. Характер русского народа // Лосский Н. О. Условия абсолютного добра: основы этики; характер русского народа. М.: Политиздат, 1991.
6. Платонов О. Русская цивилизация. М., 1995. 224 с.
7. Розанов В. В. Уединенное. М., 1990. 543 с.

LOVE AS SUPREME VALUE IN RUSSIAN PHILOSOPHY

Aleksandra Vladimirovna Vasil'chenko, Ph. D. in Culturology

*Department of Philosophy and Sociology
Komsomolsk-on-Amur State Technical University
Avas_77@mail.ru*

The article reveals the content of the notion "love" in the Russian culture. The author characterizes Russian philosophers' ideas about love as the leading, the main creative force of Russian soul, its life basis and analyzes the close interrelation of love and family.

Key words and phrases: Russian philosophy; family; love; Russian woman; Russian soul; national mentality.

УДК 902

Реконструкция культурных процессов на рубеже мезолита-неолита является одной из приоритетных задач археологической науки. В статье исследовано развитие рубящих орудий позднемезолитических культур Среднего Поволжья и Прикамья и на этой основе сделан вывод о перемещении на рубеже бореального-атлантического периодов населения из лесостепной в лесную зону.

Ключевые слова и фразы: рубящие орудия; финал мезолита; культурные процессы; Среднее Поволжье и Прикамье.

Александр Викторович Вискалин, к.и.н.

*Кафедра истории отечества
Ульяновский государственный университет
alvisk@mail.ru*

РУБЯЩИЕ ОРУДИЯ И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ НА РУБЕЖЕ МЕЗОЛИТА-НЕОЛИТА НА СРЕДНЕЙ ВОЛГЕ И В ПРИКАМЬЕ[©]

Работа подготовлена при поддержке РГНФ, грант 11-1173002 а/в.

Изучение культурных процессов на Средней Волге и в Прикамье на рубеже мезолита-неолита наталкивается на ограниченность источников, представленных преимущественно коллекциями каменных орудий, степень гомогенности которых часто оставляет желать лучшего. Выходом из сложившегося положения может явиться изучение технологий производства и отдельных категорий вещей-маркеров [15, с. 103], к числу которых принадлежат рубящие орудия.

Связь рубящих орудий и культурных процессов обусловлена прямой зависимостью их формы, способа крепления в рукояти, размера от вида выполняемой работы. Топоры и тесла пригодны для широкого спектра трудовых операций, наиболее важным из которых является рубка и поверхностная обработка древесины. Но если отличительными признаками топоров является размещение лезвия параллельно рукояти и симметричный профиль изделия, то для тесел характерна асимметрия и расположение лезвия перпендикулярно